

A stylized, high-contrast portrait of a woman, likely a theatrical character, wearing a large, dark, ornate hat with a red flower. She has a contemplative expression, resting her chin on her hand. The background is split into warm orange and cool teal tones.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ
РОМАН

Почему все дуры
такие женщины

Файна Раневская

Файна Георгиевна Раневская

Почему все дуры

такие женщины

Серия «Театральный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9091680

*Почему все дуры такие женщины / Раневская Ф. Г. (авт.-сост. С. Кузина): АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089561-8*

Аннотация

Обычно про актрис критики пишут так: «Она так владеет даром перевоплощения, что ей одинаково доступны сатирические и драматические роли». Но это умеют делать многие профессиональные актеры. Талант же Раневской выходил далеко за рамки заурядного профессионализма. Ее называли актрисой-клоуном, актрисой для трагедии и даже «гранд-кокет» («la grande coquette» в переводе с французского – соблазнительница, большая кокетка). «Героини Раневской – злодейки, ханжи, чудачки – эмоциональны до ясной откровенности, – писал известный кинокритик Андрей Зоркий. – Всегда понятно, что они чувствуют, и в переживании не наступает тягостных пауз. Сорок раз они вам скажут: вот горе – так горе, вот спесивость – так спесивость, вот ханжество – так ханжество, вот доброта–

так доброта. Такова гамма актерского таланта Раневской, ее единственный, неповторимый мир».

Содержание

Вступление	5
Тип женщины: Поистрепавшаяся светская львица	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фаина Раневская

Почему все дуры такие женщины

Вступление

«При всей любви – неприкосновенность»

Фаина Раневская была любима и вождями, и публикой, и критикой. Рузвельт отзывался о ней как о самой выдающейся актрисе XX века. А Сталин говорил: «Вот товарищ Жаров – хороший актер: понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду. Все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает – и все равно всегда разная». Этот отзыв Фаине Георгиевне пересказал Сергей Эйзенштейн, для чего разбудил ее ночью, вернувшись с одного из кинопросмотров у Сталина. А после звонка Раневской надо было разделить с кем-то свои чувства, и она, надев поверх рубашки пальто, пошла во двор будить дворника. С ним и распили на радостях бутылочку.

Раневская прославилась не только своими ролями, но и афоризмами. Уже при ее жизни ее искрометные фразы по-

вторяла вся московская богема. Каждую ее меткую фразу тут же подхватывали, и через несколько дней та становилась известна всей столице. Известный литературный критик Зиновий Паперный говорил, что за Раневской надо ходить с блокнотом и записывать все, что она говорит.

Кстати, именно ему она сказала одну из самых знаменитых своих фраз: «Я знаю, вы собираете афоризмы великих людей. Но если уж не великих, то хотя бы сохранивших чувство юмора. Так вот, знайте, молодой человек: я так стара, что помню еще порядочных людей. – И добавила: – У меня хватило ума так глупо прожить жизнь, не каждому это дано».

Особенность афоризмов Раневской в том, что они если и смешные, то уж точно не веселые. Большая часть их о болезнях, старости и смерти. И смех, который они вызывают, – это смех сквозь слезы. Сейчас из этих афоризмов составлены целые книги, хотя, сказать по правде, Раневская говорила далеко не все из того, что ей приписывают. И это тоже не случайно – просто она стала своеобразным символом своей эпохи – символом юмора своего времени.

Более того, актриса материлась. Но подобные выражения и еще более сочные в устах Раневской воспринимались отнюдь не как неприличная брань, а как абсолютно органично присущая ей манера разговора, ни для кого не оскорбительная, а только забавная. Ведь это была – Фаина Раневская, которой восхищалась вся страна!

Сама же Фаина Григорьевна с детства считала себя некра-

сивой, да и ее сверстники посмеивались над ее нескладной внешностью. А ее отец однажды, противясь желанию дочери стать актрисой, прикрикнул на нее: «Посмотри на себя в зеркало – и увидишь, что ты за актриса!»

Однако находились люди, которые находили ее «просто очаровашкой». Например, сохранилось воспоминание ее подруги Нины Станиславовны Сухоцкой, актрисы Московского Камерного театра. Она описывает внешность юной Фаины так, что нельзя увидеть по дошедшим до нас фотографиям актрисы. Сухоцкая говорит о Фаине как об обаятельной, прекрасно, иногда несколько эксцентрично одетой молодой девушке, остроумной собеседнице, приносившей в дом атмосферу оживления и праздника. Сухоцкой Фаина казалась очень красивой, даже несмотря на неправильные черты ее лица. Огромные лучистые глаза, столь легко меняющие выражение, чудесные пышные, волнистые, каштановые, с рыжеватым отблеском волосы, прекрасный голос, неистощимое чувство юмора и, наконец, природный талант, сквозивший буквально в каждом слове Фаины, в каждом ее поступке, – все это делало ее обворожительной, привлекательной и притягивало к ней людей.

Кстати, до покорения Москвы Фаина справилась со своим главным недостатком – заиканием. Путем долгих упорных тренировок она выучилась говорить, чуть растягивая слова, и дефект речи безвозвратно исчез. Появлялся только во время сильного волнения.

«Фаина Георгиевна много читала, — вспоминала Нина Станиславовна Сухоцкая. — Даже в последние годы, когда она уже плохо видела, ее трудно было застать дома без книги. Круг ее чтения был разнообразен. Помимо современной литературы и любимых классических произведений она увлеченно читала серьезные труды по истории. Перечитывала Плавта, Гомера, Данте. Однажды к ней зашла Анна Андреевна Ахматова и, застав ее за книгой, спросила, что она читает. Фаина восторженно ответила: «О, это так интересно! Переписка Курбского с Иваном Грозным!» Анна Андреевна рассмеялась: «Как это похоже на вас!...»

Из всех писателей мира самый любимый, боготворимый — Пушкин. Он постоянно был с ней. На столике у кровати и на письменном столе всегда жили томики Пушкина. Она не только великолепно знала его произведения, но пристально интересовалась всем, что о нем написано, всеми исследованиями наших пушкинистов.

Однажды она мне сказала: «Все думаю о Пушкине. Пушкин — планета!» Фаина Георгиевна признавалась, что к Пушкину у нее такое отношение, словно они встречались когда-то или могут еще встретиться. На вопрос «Как вы спите?» она отвечала: «Я сплю с Пушкиным». Так и было — читала она допоздна и преимущественно Пушкина. Мучимая бессонницей, могла читать его или думать о нем всю ночь. Если бы судьба уготовила ей встречу с Александром Сергеевичем, она бы призналась ему, что буквально живет им всю

жизнь.

Актер и режиссер Сергей Юрский, в чьем спектакле «Правда – хорошо, а счастье лучше» Фаина Георгиевна сыграла свою последнюю роль – няньку Филициату, вспоминал: «В ее отношении к великим (в том числе к тем, кого она знала, с кем дружила) был особый оттенок: при всей любви – неприкосновенность. Не надо играть Пушкина. Пожалуй, и читать в концертах не надо. А тем более петь, а тем более танцевать! И самого Пушкина ни в коем случае изображать не надо. Вот у Булгакова хватило такта написать пьесу о Пушкине без самого Пушкина.

– Но тот же Булгаков написал «Мольера», где сам Мольер – главная роль.

Отмалчивается, пропускает. Когда говорят, что поставлен спектакль о Блоке, балет по Чехову, играют переписку Тургенева, что читают со сцены письма Пушкина, она говорит: «Какая смелость! Я бы не решилась». И чувствуется, что не одобряет. Обожая Чайковского, к его операм на пушкинские сюжеты относится как к нравственной ошибке. Пушкин для нее вообще выше всех – во всех временах и во всех народах. Жалеет иностранцев, которые не могут читать Пушкина в подлиннике. Возможность ежедневно брать с полки томик с его стихами считает великим счастьем».

Нина Станиславовна Сухоцкая вспоминала: «В последние годы жизни Фаина Георгиевна горячо увлеклась Маяковским, в это же время параллельно читала «Войну и мир»

и радовалась, находя в этой великой книге все новые, ранее не замеченные драгоценные мысли.

А обожаемый Чехов! Она обращалась к нему вновь и вновь.

Образование пришло к ней отнюдь не из средней школы, которую она с грехом пополам закончила (не любила в детстве учиться), и не из высшей школы, в которой никогда не была, а от жажды новых познаний, длившейся всю ее жизнь».

Режиссеры же Раневскую боготворили. Ведь она не играла своих персонажей: она становилась ими, перевоплощаясь мгновенно. Жила жизнью своих героев: думала, как они, мечтала, страдала, надеялась, чувствовала.

«В конце 1920-х – начале 1930-х годов отчетливо выявился характер творчества Раневской, – пишет литературовед Софья Дунина. – Ее оружием стало разоблачительное искусство сатиры, ее лучшие роли обличали врага, иногда высмеивая его, иногда обнажая его страшную сущность, иногда показывая морально искаленную им жертву».

Дунина писала искренне, но все же ее книга была издана в 1953 году и отражала дух своего времени. Вряд ли Раневская направляла сатиру на классовых врагов, скорее она просто высмеивала тупое мещанство, которое она в традициях русской интеллигенции действительно искренне презирала.

Сама Раневская о себе и революции писала так: «Не подумайте, что я тогда исповедовала революционные убежде-

ния. Боже упаси. Просто я была из тех восторженных девиц, которые на вечерах с побледневшими лицами декламировали горьковского «Буревестника» и любила повторять слова нашего земляка Чехова, что наступит время, когда придет иная жизнь, красивая, и люди в ней тоже будут красивыми. И тогда мы думали, что эта красивая жизнь наступит уже завтра». Увы, довольно скоро она поняла, что новый мир такой же мещанский, как и прежний...

Но если она не могла изменить жизнь, то свои роли – легко. Впервые Раневская начала сама сочинять для себя роли в театре Сталинграда. Конечно, дописывала и доделывала роли под себя она и прежде – добавляла слова, импровизировала, сочиняла песенки для своих героинь. Но все это были мелочи, не выходящие за обычные рамки актерской импровизации. А в Сталинграде режиссер Борис Пясецкий предложил ей сыграть в пьесе, в которой вообще не было для нее роли. Просто сказал: «Мне надо, чтоб вы играли. Сыграйте, пожалуйста, то, что сами сочтете нужным».

Раневская прочитала пьесу и нашла там место, куда можно было вставить нового персонажа. По сюжету там бывшая барыня, ненавидящая советскую власть, пекла на продажу пирожки, таким образом зарабатывая себе на жизнь. И вот героиня Раневской стала приходить к этой барыне и рассказывать выдуманные смешные новости про большевиков.

Фаине Георгиевне показалось возможным приходить к этой барыне подкормиться. Но чтобы расположить к себе

барыню, которая отличалась подозрительностью и скверным характером, надо было ей понравиться. И Раневская веселила ее «свежими», а на самом деле придуманными новостями. Например, однажды она сообщила барыне: «По городу летает аэроплан, в котором сидят большевики и кидают сверху записки. А в записках тех сказано: «Помогите, не знаем, что надо делать»».

Барыня радовалась и кормила ее пирожками, а зрители умирали со смеху.

Потом барыня выходила из комнаты, а героиня Раневской крала у нее будильник и прятала под пальто. Но после возвращения хозяйки будильник громко звенел. Героиня Раневской пыталась заглушить звон будильника громким рассказом, в котором сообщала еще более интересные небылицы, кричала все громче и громче, но будильник ее заглушал.

Тогда она вынимала его, ставила на место и плакала.

Зрители провожали ее аплодисментами, и Раневская очень гордилась тем, что в финале этой сцены они не смеялись, а сочувствовали ее героине, чувствовали ее растерянность и отчаяние.

Режиссер был в восторге. И в дальнейшем воодушевленная успехом Раневская все чаще становилась соавтором и режиссером своих ролей в театре и кино.

Она показывала свой характер не только во время съемок. Фаина Георгиевна была чрезвычайно импульсивна, легко ранима и совершенно лишена самоуверенности, самодо-

вольства. Вот уж о ком нельзя было сказать: уравновешенная, спокойная и тем более равнодушная. Обладая огромным темпераментом, она очень горячо, порой бурно реагировала на все: на обиды, свои и чужие, на несправедливость и особенно на фальшь (сама никогда не фальшивила – просто не умела).

Все знавшие ее близко находили, что у нее трудный характер. Безусловно, с ней подчас было нелегко. Нетерпимость, несдержанность, острое, иногда обидное словечко, сорвавшееся сгоряча, часто обижали близких людей.

Она могла, всплыв, обидеть лучшего друга, потребовать «уйти и никогда не приходить», но... через полчаса в доме этого человека раздавался ее телефонный звонок. Расстроенная, она как-то по-детски умоляла простить ее, казнила себя за вспышку, просила забыть обиду и поверить в ее доброе чувство. Сама она никогда не реагировала на обиды мелкие, так сказать, «бытовые». В этом помогало никогда ей не изменявшее чувство юмора. Но обиды на путях искусства, творческой ее деятельности (а такие бывали, и очень жестокие и несправедливые) переносила тяжело, хотя никогда никому не жаловалась. В таких случаях поражала ее беспомощность. Она ощущала себя беззащитной, и действительно, настоящего защитника около нее не было.

В последние годы жизни Фаина Георгиевна практически не накладывала грима перед выходом на сцену, но неизменно душилась французскими духами и вспоминала, что Ольга

Книппер-Чехова («дивная старуха») однажды сказала ей: «Я начала душиться только в старости».

Оглядываясь назад, Фаина Георгиевна скромничала, утверждала, что не сделала ничего значимого, а всего лишь пропищала, как комар.

Таланту всегда сопутствует скромность. «Старая харя не стала моей трагедией, – говорила Фаина Георгиевна, – в двадцать два года я уже гримировалась старухой и привыкла и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Но эта старуха была еще и лучшей подругой. Недобрав тепла в детские годы (она говорила: «В семье была нелюбима. Мать обожала, отца боялась и не очень любила...»), Фаина Георгиевна всю жизнь пыталась восполнить эту недостачу. Она умела дружить по-настоящему, дружить искренне, трогательно и самоотверженно.

Она дружила с Анной Ахматовой, Павлой Вульф, Алисой Коонен, Екатериной Гельцер, Мариной Цветаевой, Илларионом Певцовым, Самуилом Маршаком, Константином Треневым, Александром Таировым, Константином Станиславским, Борисом Ефимовым, Василием Качаловым, Василием Меркурьевым, Осипом Абдуловым, Соломоном Михоэлсом, Фёдором Толбухиным, Ией Саввиной, Еленой Камбуровой.

Считалось, что с Фаиной Раневской режиссеру работать трудно. Так оно и было: актриса обожала вмешиваться в вопросы режиссуры, обсуждать трактовку роли, по несколько

раз переписывать текст, придумывать всяческую «отсебятину»... Режиссеры то и дело слышали от «испорченной Тайровым» актрисы:

– В этой сцене я не буду стоять на одном месте! Что я вам – статуя?

– Я должна смотреть в глаза партнеру, а не отворачиваться от него! Ну и что, что там зрители? Вот вы, когда сейчас разговариваете со мной, вы куда смотрите – на меня или в зрительный зал?

– Уйти просто так моя героиня не может. Она должна оглядеть всех с торжествующим видом и только после этого покинуть сцену!

– Что это за чушь?!

– Этого я произносить не буду!

И не только режиссерам доставалось от Раневской. Другие актеры, декораторы, гримеры, осветители – каждая сестра получала по серьгам. Раневская была очень требовательна к себе и так же относилась ко всем, кому «посчастливилось» работать с ней рядом. Репетиции для нее были столь же важны, как и выступление перед зрителями, она не терпела спешки, небрежности, фальши.

Некоторые считали ее придирой и склочницей, которая, вместо того чтобы играть роль, цепляется к мелочам, к совершенно незначительным деталям, например к цвету платка, который ее партнер достает из кармана на сцене... Какие мелочи! Но для Фаины Георгиевны мелочей не существова-

ло. Была роль. Был – образ! Образ живого, настоящего человека, которого следовало сыграть так, чтобы зритель не заметил игры, не видел на сцене актрису Фаину Раневскую, а видел Маньку-спекулянтку или, к примеру, Вассу Железнову.

Раздутые слухи о скверном характере Фаины Раневской были обусловлены тем, что актриса всегда действовала открыто. Громко, прилюдно, говорила вслух все, что думала и чувствовала. Сплетничать «на ушко», исподтишка распространять порочащие слухи, интриговать, сколачивать группировки, юлить, выгадывать – все это было не по ней.

Фаина Георгиевна, без преувеличения, шла по жизни, как и по сцене – так же гордо подняв голову. Она жила и действовала открыто, а ее противники всегда действовали исподтишка.

Ее боялись. Она могла припечатать одним словом. Да не припечатать – убить наповал.

«Помесь гремучей змеи со степным колокольчиком».

«Маразмист-затейник».

«Третьесортная грандиозность».

И трудно поверить в то, что эта оригинальная актриса практически скиталась по театрам. Вот лишь неполный список ее мест трудоустройства: Подмосковье (Малаховский дачный театр) (1915), Керчь, Феодосия (1915–1916), Ростов-на-Дону (1916–1917), Передвижной «Первый советский театр» (1918–1924), Бакинский рабочий те-

атр (1925–1927 и 1929–1931), Архангельский драматический театр (1927), Смоленский драматический театр (1927–1928), Сталинградский драматический театр (1928–1929), а затем Москва, включая театр Московского отдела народного образования (1924), Камерный театр (1931–1935), Центральный театр Красной Армии (1935–1939), Театр драмы (ныне им. Маяковского) (1943–1949), Театр им. А. С. Пушкина (1955–1963), Театр им. Моссовета (1949–1955 и 1963–1984).

Писатель, народный артист СССР Ираклий Андроников вспоминал Фаину Григорьевну так: «Если говорить о Раневской, то во всех ее созданиях мы чувствуем стиль их автора, неповторимую манеру его, своеобразие его натуры и творческих приемов. Это единство стиля не означает, однако, однообразия. И словно для того, чтобы показать свои неограниченные возможности в пределах своего голоса, своего обширного человеческого диапазона, актриса не боится играть роли, близкие между собой по материалу...

Раневской в высшей степени удастся передать не только существо человека, но и свое отношение к нему – свою мысль о людях, о жизни, об истории. Ей всегда есть что добавить к авторскому замыслу, она всегда понимает, как углубить и развить его. И работает она не на своей характерности и даже не на характере своем. Она далеко уходит от себя. И создает людей, несколько на себя не похожих. Скромная, неустроенная, неуверенная в себе, вечно в себе сомне-

вающаяся (но как художник глубоко убежденная во внутренней своей правоте!), она берет характеры, диаметрально противоположные собственной своей натуре, – играет женщин бесцеремонных, грубых, расчетливых, жадных, или смешных, или жалких...

С необычайной остротой Раневская проникает в социальную основу образа. Она мыслит исторически.

Для нее нет характеров неподвижных – вне времени и пространства. Она очень конкретна и глубока. И великолепна в разнообразии национальном – русская «мамаша», украинская кулачка, американская миллионерша, фашистская фрау Вурст, местечковая стяжательница в «Мечте».

И в кино Фаина Григорьевна оставила свой яркий след. «В кинематографе Раневская сыграла меньше, чем хотелось бы, и много меньше, чем она могла, – вспоминал друг Раневской, актер Театра имени Моссовета Константин Михайлов. – Хотя создала галерею разных и, что в кино особенно трудно, разнообразных характеров, в основном комедийных. Яркие, приметные, они всегда радовали зрителей, убеждали, даже если это были совсем небольшие эпизоды. Вспомним тапершу в фильме «Александр Пархоменко», трогательно смешную Лялю в «Подкидыше», уморительных чеховских «дам», смелую клоунаду в роли экономки Маргариты Львовны в «Весне», Роза Скороход в замечательной картине Ромма «Мечта».

Дмитрий Шостакович подарил ей фото с надписью: «Фа-

ине Раневской – самому искусству»... Ей присвоили звание народной артистки... Зрители шли в театр «на Раневскую»... Фильм с ее участием был обречен на успех... Кажется, что у нее было все, что нужно для счастья, но вот счастья-то как раз и не было. Кстати говоря, талант Раневской так и не был востребован сполна. За всю свою долгую жизнь она не сыграла и трех десятков ролей в кино, причем большинство из них были эпизодическими. Для такой актрисы, как Фаина Георгиевна, этого конечно же очень мало. Да и в театре Раневскую не баловали ролями...

В 1974 году писатель-сатирик, драматург, сценарист Виктор Ардов опубликует в «Литературной России» статью, которую назовет просто и со смыслом: «Фаина Раневская. Трагическое и смешное»:

«В любой роли она поражает нас тем, что беспощадна к героиням, которых играет на сцене или в кино. Смело выбирает она из жизни черты и приметы для выявления образа. И смело воспроизводит эти, подчас рискованные, штрихи... Талант Раневской и глубок, и остер, и на редкость широк по диапазону...

Но актриса обладает также мощной палитрой самых разнообразных красок. К сожалению, режиссеры почти не привлекают ее на роли трагического плана. Зато уж если в образе, созданном Раневской для экрана или сцены, существуют акценты драматические, то мы наслаждаемся неожиданной для многих глубиной проникновения актрисы в колли-

зии судьбы, помыслы и страсти».

О Раневской писали все газеты и журналы. Так, в очередном сборнике «Актеры советского кино», вышедшем в 1964 году, критик Александр Зоркий писал об актрисе: «Мир Раневской сложен и прекрасен человеческим и добрым искусством. Добрым даже тогда, когда актриса погружена в изображение зла. Злодейство – нелегкое искусство – удивительно отделено от ее человеческой личности. Непостижимо, но это видно на экране! То есть видна вторая, незримая половина – душа Раневской... Зло у Раневской реально и осязаемо, как нога мачехи, которая не может втиснуться в хрустальную туфельку Золушки. Зло беззастенчиво, земно и откровенно: неандертальской ступней оно ломится в сказочный башмачок. Собственно, уже одной этой краской Раневская-мачеха разоблачает себя и других Золушкиных врагов («Золушка»). Можно сказать, что актриса владеет даром перевоплощения, что ей одинаково доступны сатирические и драматические, гротескные и бытовые роли. Но, в конце концов, это умеют делать многие профессиональные актеры. А мир Раневской простирается далеко за гранью заурядного профессионализма... Воссоздавая быт, актриса постигает всякий раз вершины приемов, и бытовая деталь становится художественным документом жизни, времени. У эксцентрического, гротескового образа Раневской есть всегда могучее заземление – жизнь. В ее благодатную, правдивую почву уходит эксцентрический заряд. Героини Раневской – злодейки, ханжи, чу-

дачки – эмоциональны до ясной откровенности. Всегда понятно, что они чувствуют, и в переживании не наступает тягостных пауз.

Сорок раз они вам скажут: вот горе – так горе, вот спесивость – так спесивость, вот ханжество – так ханжество, вот доброта – так доброта. Такова гамма актерского таланта Раневской, ее единственный, неповторимый мир».

«Фаина Георгиевна никогда не концертировала соло, – делился впечатлениями друг Раневской знаменитый актер Сергей Юрский. – Никогда не выходила на сцену одна, хотя массу всего знала наизусть и дома читала великолепно. У нее действительно была какая-то абсолютная необходимость в партнере. Все, что в фас, все, что прямо в зал, ей казалось нескромным, недопустимым.

Все, что в профиль, освобождало от груза ответственности и давало импульс к игре. Но Раневская остро и очень профессионально чувствовала реакцию зала, великолепно ощущала приливы и отливы внимания. Зал нужно «взять» – значит «отпустить» партнера и направить энергию прямо на зрителей. Зал взят. Но это «нескромно» и не по системе – смотреть в зал. И снова Раневская вертит партнером, будто ищет точку, где сольются, наконец, две противоположности и партнер станет залом – близким, послушным, а зал станет партнером – понимающим, реагирующим. Как живописец преодолевает плоскость полотна и создает перспективу картины, так Раневская зримо преодолевала условность театра

в поиске секунды подлинного или, вернее, сверхподлинного момента жизни...»

Несмотря на все сложности совместной работы с Фаиной Георгиевной, Сергей Юрский сохранил о ней самые теплые воспоминания. Тонкий знаток человеческой души и превосходный психолог, он нарисовал яркий и объемный портрет Фаины Георгиевны Раневской, одной из величайших актрис двадцатого века: «Сложен человек. Всякий сложен. Много намешано в человеке. Потому и интересен. Сплетаются биографические нити с генетическими. Сплетаются дурные и хорошие побуждения. Спутываются ясные намерения ума с простыми требованиями жизни. Сердечный импульс дает толчок в одну сторону, а физиологический императив – в другую. Нити общественного долга и личного интереса стремятся к слиянию в красивый узор, а он порой оборачивается уродливым узлом. Но если внутри у большинства из нас замысловатый клубок нитей, то Раневская была соткана из морских канатов. Великолепна и красива ее сложность. И от крупности все противоречия ее личности воспринимались как гармоническая цельность. Редки такие люди.

Так случилось, что многие годы она провела почти безвыходно в четырех стенах. Но сохранила острое любопытство к жизни во всех проявлениях: к политике, к психологии современного человека, к смешному, к людским слабостям, к новым книгам, к новым талантам. Едкая насмешливость при постоянно возвышенном складе ума и сердца.

Не терпела «тонность» в общении, но при этом органически неприемлела малейшую фамильярность. Тяга к общению и потребность одиночества.

Взрывы гнева и сентиментальность. Самоутверждение, обидчивость, подозрительность, и при этом – широта души, искренняя беспощадная самокритика, непостижимое умаление, даже уничтожение своих достоинств, талантов (например, писательского дара). Безмерная печаль и могучий нутряной оптимизм. Жалостливая любовь ко всем людям и громогласный искренний патриотизм, безоговорочное предпочтение своих (во всем наше лучше!): русский язык, русский образ мыслей, русский стиль жизни, русские традиции. И еще: непреходящая гордость оттого, что она советская гражданка и советская актриса – по собственному выбору! Поступок совсем ранней юности. Вся семья эмигрировала после революции. Она – единственная из семьи осталась.

С народом, со страной, с революцией, с русским театром. Так говорила Раневская – не с трибуны, не в интервью, а в своей комнате один на один среди разных других разговоров. Канаты, канаты сплелись в ней!

Огромный масштаб. Карта в размер самой местности. Глубина памяти в размер века».

Конечно, с возрастом актриса начала сдавать. Но следов угасания не замечал никто. Так, в одном из спектаклей у Раневской было много текста, и она очень боялась что-то забыть. Одна из ее подруг – Мария Дмитриевна – стояла во

время выходов Фаины Георгиевны за кулисами с пьесой в руках и во время пауз, которые Фаина Георгиевна делала специально, подсказывала ей текст. Порой она от усердия высывалась так, что ее голова была видна из зала, или даже выходила на сцену. Однажды в подобной ситуации Раневская сказала ей: «Милочка, успокойтесь, этот текст я знаю». Зрители восприняли все происходившее как должное. Решили, наверное, что так и было задумано.

«Раневская – одна из немногих, кому, несмотря на все ухищрения режиссуры, удалось сохранить за собой право на индивидуальность, – писал к восьмидесятилетию юбилею Фаины Раневской известный театровед Борис Михайлович Поюровский. – И в выборе ролей, и в их трактовке. С такой актрисой хлопот не меньше, чем радостей.

Плохих ролей она играть не хочет и не понимает, зачем их играют другие (разлагающее внимание). Хорошими не делится ни с кем (опять же пример, не достойный подражания). Если бы ей дали возможность, Раневская играла бы ежедневно, до одури, всю жизнь. И уставала бы от этого меньше, чем от вынужденного безделья...»

Кстати, в день своего восьмидесятилетнего юбилея Фаина Георгиевна дала интервью журналисту Андрею Караулову.

«Театральная общественность столицы отмечает 80-летний юбилей народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР Ф.Г. Раневской, – писал Караулов. – Своих юбилеев сама Фаина Георгиевна не празднует. Не лю-

бит давать интервью. Поэтому мы не поехали к ней, а просто позвонили по телефону, попросив сказать несколько слов нашим читателям.

– Знаете, о чем я мечтала всю жизнь? – сказала актриса. – Сыграть учительницу. Наверное, поэтому завидовала и Чиркову, и моему товарищу по театру Вере Петровне Марецкой. Что привлекает меня в образе учителя? Пожалуй, искреннее стремление жить для других – чего как раз не доставало многим моим героиням. Ведь это прекрасно – жить для других. Это подвиг, если хотите...»

Да, это действительно прекрасно. И мы подумали, что это в полной мере относится и к самой Фаине Георгиевне. Ведь ее тоже с полным правом можно назвать учителем, ибо у Раневской есть десятки и даже сотни учеников, работающих теперь во многих театрах. А разве мы не учились у героев Раневской? Разве, создавая свои образы на сцене и в кинематографе, актриса не призывала нас нести людям добро и счастье? Давайте вспомним «Человека в футляре», «Любимую девушку», «Подкидыша»... Или хотя бы одну из самых последних ее работ в театре – роль миссис Люси Купер в спектакле по пьесе В. Дельмара «Уступи место завтрашнему дню» («Дальше – тишина»), блестяще поставленном в Московском академическом театре имени Моссовета Анатолием Эфросом...

Героинь Раневской всегда выделяло стремление проникнуть в самую суть окружающего. Совсем недавно такой мы

увидели миссис Этель Сэвидж в пьесе прогрессивного американского писателя и драматурга Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж». А сейчас Раневская с блеском играет Глафиру Фирсовну в «Последней жертве» А.Н. Островского. Играет тонко, обнажая перед зрителем нравственные идеалы своей героини, ее душу, мысли...

– Хочу много играть, – говорит актриса. – Человек в восемьдесят лет становится мудрым. Нужно успеть о многом рассказать своим зрителям... Обязательно сыграю учительницу. Таковую, знаете ли, старую, мудрую. Представляете, на склоне лет она снова встречается со своими учениками, теми, кому посвятила жизнь... И жизнь, оказывается, прожита не напрасно... Обязательно сыграю!»

На восьмидесятилетие Фаину Георгиевну наградили орденом Ленина. «Я не помню, чтобы Раневская что-нибудь для себя просила, искала какую-либо выгоду, – вспоминает актриса Ия Саввина. – При этом у нее было обостренное чувство благодарности за внимание к ней. В связи с 80-летием ее наградили орденом Ленина, и мы, несколько человек, приехали с цветами поздравить Фаину Георгиевну (постановление опубликовано еще не было, только в театр сообщили, и Раневская ничего не знала). Реакция ее была неожиданной. Мы привыкли к ее юмору – даже болея, шутила над собой. А тут вдруг – заплакала. И стала нам еще дороже, потому что отбросила завесу юмора, которым прикрывала одиночество».

Раневская действительно чувствовала себя одинокой, несмотря на славу. «И собака, и цветы, и птицы – все не так одиноки, как она, – рассказывает актриса Марина Неелова, хорошо знавшая Раневскую на склоне лет. – Страшное слово – одиночество – произносится ею без желания вызвать сострадание, а так, скорее – констатация факта. И сердце сжимается, когда это слышишь именно от нее, от человека, любимого всеми. Сидит в кресле, днем с зажженным торшером, читает без конца, беспокоится о своей собаке Мальчике, кормит птиц, почти ничего не ест...»

К юбилею актрисы Центральное телевидение собралось подготовить передачу к ее юбилею и попросило Фаину Георгиевну помочь в определении отрывков из ее фильмов, которые непременно должны были войти в передачу.

Раневская составила список. Вот такой:

«Обязательно:

1. «Шторм» полностью.
2. «Первый посетитель».
3. «Дума про казака Голоту».
4. «Таперша» Пархоменко.
5. «Слон и веревочка».
6. «Подкидыш»: «труба» и «газировка».
7. «Мечта»: тюрьма и с Адой Войцик.
8. «Матросов» или «Небесный тихоход».
9. Фрау Вурст – «У них есть Родина».

10. «Весна».

11. Гадалка – «Карты не врут».

12. «Свадьба»: «приданое пустяшное».

13. «Человек в футляре»: «рояль».

14. «Драма».

15. «Золушка».

10. Вот сколько ролей она сыграла!

И ведь каждая роль – определенный типаж, который надо или изучить, или самой прожить. В этой книге мы вместе с психологами попытались изучить роли Раневской с точки зрения науки.

Вообще, психологами выделено всего пять типов женщин в зависимости от их особенностей и поведения: женщина-мать, женщина-хищница, женщина-украшение, женщина-друг, деловая женщина. Но у Фаины Григорьевны таких типов – десятки! А значит, любая женщина может увидеть в Раневской саму себя. И попробовать измениться. Или, может быть, просто стать хоть немного лучше.

Тип женщины: Поистрепавшаяся светская львица

Психологический портрет

Как правило, у успешной светской львицы, пока не попавшей в железные жернова злой судьбы, на лице всегда – маска эмоциональной холодности. Она следует всем правилам игры, принятым в узком кругу избранного общества, осознает собственную значимость в этой среде. Она горда и высокомерна. Надменно относится к людям, находящимся вне своего круга. Часто эгоистична. И, по обыкновению, относится к другим людям потребительски. Кроме того, дамы этого типа изоощренные интригантки. Как женщина из высшего общества, она всегда ухожена. Однако врожденный аристократизм – лишь часть имиджа.

Следует правилам этикета с элементами изящества: прямая спина, плавная походка, отсутствие лишних движений. Говорит властно, но тихо и спокойно. Одевается дорого и изысканно.

Воспитана так, что никогда не покажет, что ей жарко или холодно, что голодна или устала.

Конечно, попав в безысходную ситуацию, весь лоск спа-

дает, имидж теряется, чувства притупляются. Но гордость остается.

Истории из ее жизни

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

– Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

– Это не комната. Это суший колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

– Но ведь так нельзя жить, Фаина.

– А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

– Господи! У вас даже окно не открывается...

– По барышне говядина, по дерьму черепок...

Театр

В 1925 году Раневская отправилась в столицу Азербайджана – ее пригласили в Бакинский рабочий театр для участия в спектакле «Пугачевщина». Бакинский сезон ей запомнился как интересный и удачный. Ведь сам город Баку не

мог никого оставить равнодушным. Это был огромный многонациональный город, где уживались между собой азербайджанцы, русские, евреи, армяне.

Правда, пьесы, в которых ей приходилось играть, редко блистали особыми достоинствами, но они были актуальны для того времени, и зрители охотно шли в театр. Раневская играла обычно небольшие характерные роли, но благодаря своему таланту и индивидуальности быстро стала популярной. «Публика была ко мне добра», – писала она в своих воспоминаниях. И действительно, ее очень скоро начали узнавать и встречать аплодисментами.

Ее крылатые фразы

ОБ ЭПИКУРЕ. Эпикур говорил – хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался.

Спектакль

«Наша молодость».

Роль

Певица с неудавшейся судьбой.

Игра

В числе прочих ей досталась роль в пьесе «Наша молодость» по роману известного в то время коммунистического писателя Виктора Кина – та самая роль, слава о которой дошла до Москвы, и ради которой собирался, но так и не смог приехать в Баку даже сам Самуил Маршак. А ведь Раневская там появлялась всего в одной картине. Она играла известную певицу, опустившуюся «гостью из старого мира». Она выглядела облезлой: в потрепанной, когда-то модной шляпке, солдатском полушубке в дырах, худых, грязных валенках. Поистрепавшаяся аристократка пела заунывным голосом:

*Однажды морем я плыла
На пароходе том.
Погода чудная была,
И вдруг начался шторм...*

Аристократичная Раневская выглядела такой несчастной и такой неуместной в вагоне-теплушке, заунывно поющая о своей разбитой жизни, что горький смех зрителей сменялся горькими же слезами.

Истории из ее жизни

Наверное, скоро умру. Мне видится детство все чаще и чаще. Разные события всплывают из недр памяти

и волнуют до сердцебиения. Я вижу двор, узкий и длинный, мощный булыжниками. Во дворе сидит на цепи лохматая собака с густой свалявшейся шерстью, в которой застрял мусор даже гвозди, – по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. Я люблю его. Я обнимаю его за голову, вижу его добрые, умные глаза, прижимаюсь лицом к морде, шепчу слова любви. От Букета плохо пахнет, но мне это не мешает. В черном небе – белые звезды, от них светло. И мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь. Кучер говорит, что лошадь подохла от старости и что тащат ее на живодерню. Я не знаю, что такое живодерня. Мне пять лет.

Любопытные эпизоды

Кстати, пьесу написал Сергей Карташов. Он, как и многие тогда интеллигенты с «несоветскими» мыслями, попал в лагерь. Вот как описывает встречу с ним писательница Екатерина Судакова в повести «Крутые ступени»:

«Первое мое знакомство с Сергеем Карташовым произошло так: Я встретила в зоне Любу Говейко (она уже работала врачом), и Люба подвела меня к какому-то барaku, открыла дверь и тихонько пихнула меня туда, сказав: «Иди, там ты увидишь то, что тебе нужно». Я вошла, присмотрелась, но вокруг – ни души. Только на верхних нарах сидел небольшой человек, по-турецки скрестив босые ноги. Я вскараб-

калась к нему на нары и спросила: «Вы кто?» Он ответил: «Карта-шов». Я спрашиваю: «Писатель? Понятно. А пьесу «Наша молодость» вы написали, да?» – Он кивнул головою. Тогда я процитировала из этой пьесы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.